

Анатолий Игоревич Левенчук

Один из первых активных участников создания фондового рынка в стране. В начале 90-х годов — директор Института коммерческой инженерии, член совета директоров АО «РИНАКО» и АО «РИНАКО Плюс». В настоящее время — президент консалтинговой компании TechInvesLab.ru

Чёрная магия на фондовом рынке

Менатеповцы предложили мне в 1990 году посетить в качестве их представителя мало-понятное организационное совещание так называемого «Комитета по содействию созданию рынка ценных бумаг». Организатором был Госбанк СССР, Дмитрий Тулин и его сотрудник Андрей Козлов. На совещании говорили о каких-то биржах, акциях. Было непонятно и интересно! Возмутителем спокойствия на заседаниях комитета был Эдуард Теняков. На первом же заседании он заявил: «Спасибо Госбанку за то, что он нас собрал! Теперь надо немедленно ограничить круг людей, входящих в комитет, и немедленно приступить к созданию фондовой биржи. Это и будет реальное содействие созданию рынка ценных бумаг». На это сразу среагировал Константин Боровой: «Какие такие биржи? Одна уже есть, мы с сентября торги уже начинаем проводить!» Не стал молчать и Юрий Милюков: «Пардон, но у меня тоже биржа!» Уже просветившийся Теняков парировал: «Вы тут не путайте! У вас биржи товарные, а у меня будет фондовая!» Когда его попросили разъяснить, чем они отличаются, он ответил: «Нас банк собрал, он и объяснит!» Нужно заметить, что и через пару лет мало кто представлял, чем товарные биржи отличались от фондовых, — а на тот момент таких грамотных не было даже среди учредителей. На втором или третьем заседании комитета Эдуард уже призывал всех поторопиться с учреждением фондовой биржи, ибо «Мы должны жить достойно! Фондовая биржа — это очень солидное учреждение! На Венской бирже, я видел, деревянные трёхметровые двери с медными ручками! И у нас так будет!»

Теняков методом написания письма из Простоквашино стал готовить документы для открытия биржи. Всех приходящих с критикой он внимательно выслу-

шивал и вносил исправления в итоговый документ. Проект улучшался с каждой минутой, хотя собственно фондового в нём практически ничего не было. На всякий случай в оргкомитет вошёл и я. Нас было пятеро (Эдуард Теняков и Виктор Побединский из «Фининвеста», Игорь Сафарян из «Брок-инвест-сервис», Валерий Гугнин из Оргбанка и я от МЕНАТЕПа). Госбанк взирал на всё это с огромным любопытством: не помогал и не препятствовал. Собственно, Тулин и Козлов тогда и сами не знали, как развивать рынок ценных бумаг, и были рады любой инициативе снизу.

В ноябре 1990 года я взял на себя существенную часть организации учредительной конференции Московской центральной фондовой биржи. Проходила она в пансионате «Бор» в виде большого собрания участников ещё несуществующего рынка. Я справедливо рассудил: а почему бы не воспользоваться случаем и не сделать себе имя на новом рынке? И заодно создать пару ассоциаций — участников рынка ценных бумаг (АУРЦБ) и профессиональных участников рынка ценных бумаг. Вторая ассоциация, мы предполагали, будет объединять физических лиц. Нам нравился умно говорящий Милюков. Однако в какой-то ключевой момент конференции он протопал мимо нас в шортах и шлёпанцах, направляясь в бассейн. Тогда я предложил возглавить эту ассоциацию Игорю Сафаряну, который в это время находился в зале. А сам возглавил первую.

Первое заседание совета АУРЦБ мы провели почему-то в Вильнюсе. Не разобравшись, организовали поездку перед самым Новым годом, на католическое Рождество. Город был вымершим, все магазины закрыты, и даже буфет в гостинице не работал — Рождество домашний праздник! Прозаседали пару дней в гостинице, строили самые разные планы. Там я договорился с Боровым, что буду консультировать РТСБ по проведению первого собрания акционеров биржи.

Началось всё с проведения выездного семинара для членов биржевого совета РТСБ. Среди них оказалось несколько игротехников, которые сказали: «Мы будем сопротивляться, ибо так положено». И почти сут-

ки срывали семинар. К счастью, с нами был стажёр-консультант, который был барабанщиком в ансамбле, с длинными распущенными волосами, он на наших заседаниях постоянно делал свою специальную музыкальную гимнастику для пальцев. Через некоторое время члены биржевого совета решили, что он колдун, и прекратили сопротивляться. Так мы завоевали небывалый авторитет.

В советское время слово «фонды» было термином плановой экономики, означавшим выделяемые предприятию материальные ресурсы. Поэтому фондовые биржи (число которых стремительно росло — были также и товарно-фондовые биржи) торговали отнюдь не только ценными бумагами, но и всем подряд — от туалетной бумаги до тракторов. И это никого не смущало, все это были фонды в старом понимании. Много спорили, как лучше назвать посредников — маклеры (по старинной русской традиции, восходящей к немецкому рынку) или брокеры (ибо основная литература шла из США, а там использовалось именно это слово). С очень большим трудом понималась разница между брокером и дилером.

Ваучер — это ценная бумага размером 10x15 сантиметров.

На одном из биржевых советов РТСБ было решено, что все 32 его члена создадут свои предприятия, начальное финансирование для которых даст биржа, а дальше предполагалось, что биржа будет зарабатывать не только комиссионные на торговле, но будет получать и дивиденды от этих успешных предприятий. Наибольшей популярностью у брокеров — членов биржевого совета пользовались инвестиции в торговые дома, которых вокруг РТСБ расплодилось немерено. Я же сделал сопредседателю биржевого совета Дмитрию Сухиненко нетривиальное предложение: создать организацию нового типа — инвестиционную компанию. Что это такое, я тоже смутно тогда представлял, но суть идеи была собрать деньги у частных инвесторов (то есть населения) и выгодно затем разместить в проекты. Таким образом выполнить примерно то же самое, что делали в тот момент биржи, только без всех этих торговых систем и брокерских мест, которые существенно затуманивали простую картину тогдашнего «биржойдного» бизнеса (по типу гуманоид — не совсем человек). Мы собрались в самом начале сентября 1991 года в гостинице «Интурист» и приняли решение создавать первую в России инвестиционную компанию. Я придумал название, которое выполнило требование тогдашнего закона, чтобы организационная форма входила в название компании — Российское инвестиционное акционерное общество, сокращенно РИНАКО. То, что мы фактически создаём странное сочетание паевого и венчурного фондов и что слово «РИНАКО» будет в России чуть ли не нарицательным, мы ещё не знали.

Боровой стал председателем совета директоров, Сухиненко — президентом, главным управляющим — Степан Мелконов, я придумал себе должность — «исполнительный директор».

РИНАКО разворачивалось поначалу в шестом подъезде Политехнического музея. Никто не знал, как выпускать акции, и всё приходилось придумывать.

В отличие от завершившегося чуть раньше размещения акций МЕНАТЕПа и параллельно запускаемого проекта Кахи Бендукидзе НИПЕК (Народная нефтяная инвестиционно-промышленная Евро-Азиатская корпорация) было принято решение о выпуске «безбумажных акций». С большим трудом удалось уговорить Андрея Козлова, чтобы он протащил этот проспект эмиссии через бюрократию Банка России. Размещение началось уже в конце сентября, тогда же мы и отдали проспект эмиссии на регистрацию, в результате зарегистрирован он был чуть ли не к весне 1992 года.

Приведённый мною Андрей Корф сочинил песню «разбогатею, куплю собаку, назову не Шарик, назову РИНАКО», будущий президент Телекомпании ВКТ Владимир Ананич снял на неё видеоклип, и по телевизору пошла реклама продажи акций незарегистрированного безбумажного выпуска, на что никто из возможных критиков даже не обратил внимания. Вот какое было время. Как ни странно, мы организовали очень строгий учёт и бездокументарных ценных бумаг, и поступающих от их продаж денег.

Для регистрации акции мы приобрели шесть компьютеров, разработали учётную программу, обучили операционисток. Но мало разместить выпуск, следовало дожидаться, когда начнутся операции с бумагами РИНАКО: после окончания размещения кто-то захочет их продать, а кто-то захочет купить. Мы надеялись, что акции станут ликвидными и сильно вырастут в цене (так бы оно, наверное, и произошло, если бы не начавшаяся как раз в то время гиперинфляция), поэтому нам нужен был депозитарий.

Об этом я заявил на одном из первых заседаний совета директоров. Учредители меня не поняли. Один из совладельцев выступил и заявил: «Всё одобряем, акции выпускаем, требуемые для этого выпуска расходы поддерживаем. Вот только депозитарий создавать не будем, потому что это очень сложно и технология не опробована!» Я удивился: «Как же мы будем торговать акциями без депозитария?» И получил ответ: «А вот это уже твои проблемы! Изобрети что-нибудь». Долго мне

пришлось доказывать и убеждать, что депозитарий — это не глюконоарий и не серпентарий, и он совершенно необходим. В конце концов, поверив мне на слово, под мою ответственность учредители дали согласие на финансирование первого в стране депозитария.

В какой-то момент в наш офис был привезён тираж разработанных бланков — их оказалось около 30 видов: списание со счёта и зачисление на него, приходные и расходные ордера, множество внутренних документов. Бланки аккуратными пачками были выложены на узкие длинные (по 3–4 метра) столы. В результате полностью были заставлены три стола! «И это безбумажная технология», — выдохнули мы и озаботились закупкой многочисленных сейфов и шкафов.

В процессе работы с акциями было много курьёзного. Долго мы не могли объяснить членам совета директоров РИНАКО, что такое «котировка ценных бумаг». Я показывал на примере доллара: есть же пункты обмена валюты, в которых её и покупают, и продают. На что мне резонно отвечали: валюту там не покупают и не продают, её там меняют. Опыта операций с ценными бумагами тогда не было никакого, даже ваучер ещё не появился.

Кстати, первый проект нормативного акта о ваучерах тоже был курьёзен и давал такое определение ваучера: «Ваучер — это ценная бумага размером 10x15 сантиметров». Мы долго хохотали над этим определением.